

Дугуй Чжо всю жизнь был обусловлен небесной волей: его внутренняя сила оказалась полностью уничтожена, кровные узы — порваны, друзья погибли, а сам он нёс на себе клеймо отцеубийцы, пока даже Е Чжо, его единственная истинная любовь, не рассыпался прахом. Охваченный абсолютным отчаянием, с нефритовым талисманом, хранящим уцелевшую крупицу души Е Чжо, он обошёл каждый уголок человеческого мира, стремясь лишь отыскать остальные осколки души возлюбленного, чтобы обрести возможность воссоединиться в следующей жизни. Пока в один прекрасный день, когда его собственный жизненный путь уже подходил к концу, он не забрёл в иллюзорную пелену и в затуманенном сознании не увидел, будто несколько демонических зверей преследуют Е Чжо и пытаются его убить. Он бросился на помощь и прикончил тех тварей, после чего в ушах раздался странный голос:

— Динь! Вы искоренили демонов и утомили нечисть, получено: низкосортный духовный камень — 3 штуки.

— Динь! Вы искоренили демонов и утомили нечисть, получено: руководство «Искусство Обратного Меча».

— Динь! Вы искоренили демонов и утомили нечисть, получено: драгоценная целебная трава продления духа.

— Динь! Вы повысили уровень до 1-го, ваша внутренняя сила восстановлена на 1%.

А только что «спасённый» им Е Чжо разгневанно занёс над ним меч и отчитал:

— Ты как посмел украсть моего моба!

Дугуй Чжо:

— ?

Е Чжо в голографической сетевой игре «Девять Небес» повстречал странного игрока по имени Дугуй Чжо. Тот не знал элементарных правил, не умел управлять персонажем, не выходил из игры на отдых и к тому же вечно глядел на него чересчур глубоким взглядом. Е Чжо решил, что просто подобрал себе в ученики смазливую новичку-чайника, и принялся за ручку водить его по уровням, обучая прокачке.

И когда Е Чжо уже подумывал, не встретиться ли с учеником в реале, на весь сервер прогремело системное объявление:

— [Игрок Одинокая Плоскодонка активировал финальный сюжетный поворот «Могила Мечей», открыт финальный босс игры — Дугуй Чжо.]

Е Чжо:

— ...

Какое совпадение: точь-в-точь как у его ученика!

Актив — Дугуй Чжо, пассив — Е Чжо (Е Чжо).

Возле небольшого чайного навеса на окраине городка, примыкающего к горной цепи Цанлань, сидело несколько человек. При них не было почти никакого багажа, на лицах не читалась

усталость от долгого пути, однако и местными они не выглядели, отчего казались весьма странными.

Хозяин чайного навеса, впрочем, ничуть не удивлялся — таких людей он повидал немало.

Горы Цанлань — это предел человеческого мира. Когда-то здесь возвышалась уходящая в облака вершина, и, согласно легендам, некий великий мудрец сумел подняться по ней прямо к небесному чертогу в поднебесье, переродился и стал небожителем высшего мира, из-за чего эту гору прозвали Небесным Столпом.

Поскольку Небесный Столп вёл в обитель богов и небожителей, он являлся запретной землей смертного мира; любые живые существа были неспособны выживать вблизи него. Во всей горной цепи Цанлань не рождалось ни травинки, и за исключением причудливых скал, в которые обратились кости древних диких зверей, это была лишь безжизненная цепь снежных гор.

Никто не ведал, что таится за горной цепью Цанлань, и никто не знал, что лежит за пределами человеческого мира.

Пока десять лет назад две полосы мечевой энергии — одна чистая, другая мутная — не рассекли небосвод. Небесный Столп рухнул, горы затрещали и раскололись, земной огонь взметнулся ввысь, достигая небесного чертога высшего мира, а над окрестностями хребта Цанлань пролился огненный дождь, длившийся целых три месяца. Изначальный Небесный Столп исчез, тысячелетние льды растаяли, превратившись в стелющиеся на тысячи ли туманы.

Год спустя у подножия Цанлань пробилась первая нежная зелень, и на этой лишённой жизни земле показался росток первой травы.

Спустя три года сюда постепенно стали прибывать люди для освоения земель; они обнаружили, что здешняя почва необычайно плодородна и отлично подходит для злаков, и это место постепенно превратилось в небольшой городок.

А ещё позже на окраине городка возник чайный навес — путникам, приходившим полюбоваться горной цепью Цанлань, за немалую плату подавали чай.

Навес построили у самого конца дороги, а дальше лежали лишь неизведанные земли.

Большинство путешественников останавливались в городке, заходили в чайный навес выпить пиалу грубого чая, издали вглядывались в руины Небесного Столпа и обменивались странными речами.

В разговорах этих людей бесчисленное множество раз упоминалось некое имя.

— Во всем виноваты он... Если бы не он, Девять Небес никогда бы...

Хозяин, ставя перед почтенным гостем пиалу с чаем, услышал привычный до боли диалог.

Хозяин отошел от стола и с досадой потер ухо.

Истории об этом человеке он слушал на протяжении нескольких лет. Все вокруг лишь пересказывали слухи, а те, кто видел его воочию, едва ли сыскались бы, и обсуждали люди неизменно одни и те же события.

Этот человек, ученик секты Цзинтянь Цзяньцзун, некогда считался опорой и надеждой наставников, но совершил чудовищное деяние.

Польстившись на парные мечи Сюаньсу, из поколения в поколение охраняемые сектой Цзинтянь Цзяньцзун, он ради завладения божественными клинками помрачился рассудком и тайне убил предыдущего владыку меча Сюань, который приходился ему родным отцом!

Совершив грех отцеубийства, он устроил резню в родной секте, тяжело ранил владыку второго божественного меча — меча Су — по имени Е Чжо и похитил его.

После этого Е Чжо пропал без вести, а когда вновь предстал перед людьми, этот человек уже полностью подчинил себе оба божественных клинка, а Е Чжо к тому времени, надо полагать, давно сгинул без следа.

Сжимая в руках два меча творения, этот человек взошел на Небесный Столп, пытаясь обрести божественность с грехом на душе. Разгневанные высшие божества низвергли его в человеческий мир. Обезумев от ярости, он высвободил оба меча и разрубил Небесный Столп надвое. Девять Небес лишились опоры и рухнули в мир смертных, а мир богов перестал существовать.

У практикующих в человеческом мире больше не осталось шансов достичь божественности, в мире бессмертных воцарился хаос, и бесчисленные адепты проклинали этого обезумевшего демона.

Правда, смели они бранить его лишь за глаза, ибо кто, столкнусь с ним лицом к лицу, осмелился бы изрыгать хулу?

Навес был крошечным, и двое гостей в даосских мантиях даже не пытались понижать голос; брань непрерывным потоком лилась в уши хозяина, и он от раздражения невольно нахмурился.

Он был лишь простым смертным и не смыслил в любовных страстях и смертных обидах заклинателей. По мнению хозяина чайного навеса, если бы не рухнувший Небесный Столп и не императорский двор, приславший сюда толпы рабов для освоения земель и распашки полей ради освобождения от рабства, он сам никогда бы не стал зажиточным крестьяном, владеющим несколькими десятками му земли.

Спорить с гостями хозяин не смел — оставалось лишь притворяться, будто ничего не слышишь, и тупо смотреть себе под ноги.

Наступила весна, и в трещинах земли пробилось несколько побегов дикой травы; свежая зелень выглядела на редкость радостно.

Гости чайного навеса по большей части приходили лишь взглянуть на руины Небесного Столпа: поглазеют, выпьют чаю, повздыхают, обругают этого человека, а набравшись вдоволь, оставят серебро и с горестными вздохами удалятся, так что к полудню навес полностью пустел.

Подул восточный ветер; даже весной холода пробирали до костей. Заметив, что все посетители разошлись, хозяин принялся собирать скарб, готовясь идти домой.

В этот момент в навес вошел облаченный в черное странник в бамбуковой шляпе и с котомкой за плечами, и уселся за столик в самом углу.

— Горячего чаю, — бросил мужчина, положив котомку на стол. Раздался слабый металлический звон — в свертке явно находилось оружие.

Хозяин не смел медлить и поспешно подал огромную пиалу с обжигающим чаем.

Опуская пиалу, хозяин случайно бросил взгляд на лицо гостя и невольно замер.

Мать честная, да этот человек до чего же хорош собой! Краше уличных красавиц из городка, краше весенних полевых цветов, краше зимних заснеженных пейзажей за окном.

И холоднее снега и льда.

Не смея глядеть на него в упор, хозяин отступил в чайную комнату и принялся украдкой подглядывать за мужчиной в черном через щель в перегородке.

Тот протянул руку и взял пиалу; его пальцы были отчетливо узловатыми, тонкими и длинными, словно крепкий бамбук, но тыльная сторона ладони и пальцы были сплошь покрыты шрамами от клинков и мечей — словно разбитый и вновь склеенный нефрит, они вызвали болезненное, отрезвляющее чувство.

Мужчина в черном неторопливо осушил горячий чай; каждое его движение было преисполнено изящества, выдавая превосходное воспитание.

Он опустил пустую пиалу, не став звать хозяина за добавкой, а вместо этого извлек из-за пазухи гладкий нефрит теплого оттенка и молча уставился на него.

Лежать на иссеченной шрамами ладони столь безупречному нефриту казалось странным.

Мужчина в черном слегка нахмурился, вид у него был помраченный. Другую руку он положил на котомку, и оттуда вновь донесся легкий звон металла — владелец чайного навеса невольно втянул голову в плечи.

В этот миг подул прохладный весенний ветер, и ранний цветок абрикоса упал на согретый нефрит в ладони мужчины. Нежно-розовые лепестки заставили нефрит казаться еще более изумрудным, и это было зрелище, полное жизненной силы.

Мужчина в черном поглядел на свою ладонь и тихо улыбнулся; черты лица под бамбуковой шляпой смягчились, а аура убийственной жестокости от этой улыбки заметно рассеялась.

Хозяин навеса разом успокоился, осмелел и, высунувшись из чайной комнатёнки, поинтересовался:

— Уважаемый гость, чай повторить?

— Не нужно.

Мужчина в черном оставил кусочек серебра, подхватил котомку и поднялся из-за стола.

Заметив, что тот направляется в сторону мрачных гор Цанлань, куда ступать не смел никто, хозяин невольно выбежал следом и завопил в спину:

— Господин, впереди запретная зона, откуда не возвращаются! Сказывают, что демон-разрушитель скрывается в горах Цанлань и постигает там путь! Туда нельзя!

Мужчина в черном изначально не собирался обращать внимания на болтовню хозяина, но, услышав это, остановился, чуть повернулся, приподнял бамбуковую шляпу, открывая большую часть лица.

Его фигура казалась слившейся воедино с окутанными туманом горами Цанлань, а взгляд, видевший насквозь всю суету пыльного мира, упал на хозяина. Голос его не выражал ни радости, ни гнева:

— Я и есть он.

С этими словами он опустил шляпу, развернулся и продолжил путь к Цанлань, мгновенно растворившись в густых облаках и туманах.

Долгое время спустя хозяин чайного навеса осел на землю и потрясенно пробормотал себе под нос:

— Так это он...

Тот самый демон, что предал учителей и наставников, убил отца и вырезал секту?

— Да как же так? — бормотал хозяин.

Он поднялся, принялся прибирать столики и возле использованной пиалы заметил упавший нежно-розовый цветок абрикоса — лепестки его были целы и невредимы.

— Быть того не может, — вновь повторил хозяин.

Мужчина в черном, над загадкой которого ломал голову хозяин, в этот момент уже вступил на земли гор Цанлань. Словно ощутив, что под ногами некогда лежали руины Небесного Столпа, лежащий за спиной сверток издал глухую, протяжную трель меча.

— Тихо, — бросил низкий голос.

Содержимое котомки беспокойно качнулось пару раз. Мужчина развязал узел: внутри лежали два сломанных меча.

Бывшие парные клинки творения превратились в четыре покрытых ржавчиной куска металлического лома. Тот, кто некогда рассек Небесный Столп и бросил вызов небожителям девяти небес, теперь сам имел разбитый дантянь и доживал последние дни.

Он поднял меч Су и привязал нефритовый талисмана к рукояти обломка, с тихим ожиданием застыв на мгновение — ни нефрит, ни сломанный меч не подали признаков жизни.

И здесь его тоже не было.

И в небесах искал он девять кругов, и под землей — в Жёлтых Источниках, но в обеих туманных далях не было ни следа.

Десять лет он исходил каждый уголок человеческого мира, но так и не смог отыскать следа уцелевшей души Е Чжо.

В этой жизни встретиться уже не суждено, и он жаждал лишь новой жизни, но у Е Чжо не было даже перерождения.

Он убрал обломки мечей, сжал в пальцах теплый нефрит и твердым шагом направился вглубь туманов.

Никто не знал, что именно скрывается по ту сторону хребта Цанлань. Пока здесь возвышался Небесный Столп, пересечь горы не удавалось никому.

Даже после исчезновения Столпа этот туман сбивал с пути — можно было согнуться в туманной дымке Цанлань либо просто вернуться к подножию горы.

Его нынешняя внутренняя сила едва ли превосходила силы новоиспеченного адепта, и дальнейший путь вперед сулил лишь смерть.

Однако он не собирался поворачивать назад. Позади оставалось прошлое, насмехающееся над его судьбой, его бесславная жизнь и мир без Е Чжо.

Он неуклонно шагал вперед, и каждый шаг давался с невероятным сопротивлением, будто двигаться дальше было уже невозможно.

Но даже если удавалось продвинуться лишь на дюйм, он шел этот дюйм вперед.

Он с трудом преодолевал шаг за шагом: облака и туманы застилали глаза, холод горных вершин леденил тело, превращая его в изваяние, и если бы не согревающий нефрит в ладони, что непрерывным потоком посылал тепло в его тело, он бы давно обратился в ледяную статую.

Сознание постепенно угасало, в памяти невольно всплывала череда скитаний первой половины жизни, словно замедленная вспышка перед смертью.

В полусне ему чудилось, будто он видит молодого Е Чжо, что легко скакал по горным лесам, сражаясь с несколькими демоническими зверями.

Он горько усмехнулся: Е Чжо ведь приходился ему старшим по ранжиру; когда они встретились, Е Чжо уже был старейшиной секты Цзинтянь Цзяньцзун, стоял перед ним в белоснежных даосских одеждах, равнодушно оглядывая его, и холодно произнес:

— Следуй за мной.

С чего бы в воспоминаниях первой встречи Е Чжо казался взрослым и холодным, а теперь представлял юношей?

Впрочем, бредить перед смертью неплохо — по крайней мере, удастся увидеть Е Чжо беззаботным.

Пока он так размышлял, окружающий туман постепенно рассеялся, и фигура юного Е Чжо проступила еще отчетливее.

Одетый в белое юноша Е Чжо совершенно не пугался, окруженный демоническими зверями; с обычным железным мечом в руках он яростно разил чудовищ.

Но двум рукам трудно тяннуться против десятка кулаков, звери оставляли на теле юного Е Чжо все новые раны, и он бледнел, слабея на глазах.

Пусть даже это иллюзия, невозможно было смотреть со стороны, как Е Чжо получает раны. Он достал из котомки тот самый черный сломанный меч — тяжелый клинок Сюань, доставшийся ему лишь после смерти отца, меч, которого он жаждал всю жизнь, но, получив, тут же презрел.

Едва он извлек клинок, юный Е Чжо ловко разорвал дистанцию с монстрами, достал флакон с пилюлями, осушил его и пробормотал:

— С моим текущим запасом здоровья осилить этих элитных мобов еще то испытание, хорошо хоть хилок набрал разных видов.

Юноша Е Чжо как раз запихивал в рот лекарство, когда какой-то человек в черном вихрем ворвался в толпу чудовищ, с обломком ржавого меча в руках уводя из-под носа элитного моба, которого Е Чжо с таким трудом ковырял до полусмерти.

Е Чжо:

— ...

Меридианы давно были разорваны, и вливать всю оставшуюся силу в обломок клинка Сюань сейчас означало, что удастся выдать лишь один-единственный удар.

К счастью, звери оказались не слишком сильны, и одного удара хватило, чтобы перебить их всех.

Как только звери пали, он сам потерял равновесие и опустился на одно колено, упираясь рукой в рукоять меча, пытаясь унять клокотавшую в груди волну крови.

Даже если это иллюзия, он не хотел харкать кровью на глазах у Е Чжо.

Кое-как совладав с телом, он уже собирался поднять взгляд на Е Чжо, как вдруг в ушах раздались странные звуки:

[Динь! Вы искоренили демонов и усмирили нечисть, получено: низкосортный духовный камень — 3 штуки.]

[Динь! Вы искоренили демонов и усмирили нечисть, получено: руководство «Искусство Обратного Меча».]

[Динь! Вы искоренили демонов и усмирили нечисть, получено: драгоценная целебная трава продления духа.]

[Динь! Вы искоренили демонов и усмирили нечисть, получено: опыт 100*6. Желаете потратить опыт на повышение уровня? Да/Нет]

Что это такое? Он совершенно ничего не понимал.

В этот момент резкий порыв ветра свистнул у самого уха: юный Е Чжо, чьи раны чудесным образом исцелились, взмыл на ветру с мечом наперевес. На челе его читалась лютая злость, и он рывкнул:

— Ты как посмел украсть моего моба?!

Встречная волна мечевой энергии разорвала бамбуковую шляпу в клочья. Он не обращал ни малейшего внимания на происходящие вокруг перемены, ощущая лишь то, до чего же невероятно живым казался стоявший перед ним Е Чжо.

Вглядываясь в лицо Е Чжо, он тихо проронил:

— Неужели я и впрямь добрался до загробного мира?

При виде этого лица острие меча Е Чжо дернулось, траектория сбилась: клинок, что должен был вонзиться меж бровей, замер у самого плеча, так и не опустившись для смертельного удара.

<http://bllate.org/book/19418/1901556>